

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ОСЕТИИ

Работа представлена отделом этнологии

Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований

им. В. И. Абаева.

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р. Г. Дзаттиаты

На основе исторического, лингвистического и фольклорного материала автор рассматривает вопрос появления в Осетии огнестрельного оружия.

Ключевые слова: *оружие, ружье, фитиль.*

A. Bagayev

EMERGENCE OF FIRE ARMS IN OSSETIA

Basing on the historical, linguistic and folklore material, the author of the paper considers the question of firearms' appearance in Ossetia.

Key words: *weapons, gun, fuse.*

Появление огнестрельного оружия в Осетии является актуальной проблемой при исследовании вопросов, связанных с военной культурой осетин.

По мнению специалистов по истории огнестрельного оружия, впервые оно появилось на Ближнем Востоке. Одним из ранних его видов, применявшимся арабами в XII–XIII вв., являлась *модфаа*. Она состояла из металлического ствола (трубки) небольшого диаметра, прикрепленного к древку. Стреляли с сошки круглым металлическим снарядом при помощи заряда из порошкообразной смеси селитры, угля и серы, который поджигался через затравочное отверстие раскаленным прутом [8, с. 31].

Первые образцы европейского огнестрельного оружия XIII–XIV вв. представляли собой металлическую трубку с глухим дном, закрепленную на деревянном станке. Заряжались они с дула, применялись при осаде и обороне крепостей. Огнестрельное оружие быстрыми темпами распространялось по Старому Свету. Приведенные А. Н. Кирпичниковым источники следующим образом фиксируют первые даты, связанные с хранением и применением ствольного порохового оружия: в Швеции – 1370 г., в Немецком ордене – 1374 г., в Венгрии 1378–1381 гг., в Литве –

1382 г., в Польше и Чехии – 1383 г., в Египте – 60-е – начало 70-х гг. XIV в., у турок – 1389 г., в Средней Азии – 1379 г., в Индии – 1399 г., в Китае – 1366 г. Как правило, сообщения письменных источников отражали заметное событие, следовательно, первые эксперименты могли произойти несколько раньше. Процесс внедрения огнестрельного оружия в большинстве упомянутых стран измерялся не десятилетиями, а годами. Конструкции первых орудий сходны на огромных пространствах и имеют незначительные местные особенности [9, с. 78].

На Северном Кавказе огнестрельное оружие впервые было использовано воинами эмира Тимура против войск Тохтамыша в битве на Тереке в 1395 г. [4, с. 56]. В составе золотоордынских войск были и аланы-осетины [14, с. 344]. Вероятно, они тогда впервые познакомились с ранним видом огнестрельного оружия. Однако данными об использовании его аланами мы не располагаем.

Первым свидетельством в письменных источниках о наличии у осетин ручного огнестрельного оружия является сообщение русских послов, на которых в 1604 г. недалеко от Дарьяльского ущелья напали «горские люди с вогненным боем» [2, с. 456].

Западные соседи осетин, кабардинцы, впервые познакомились с огнестрельным оружием во время сражения с вторгшимися в Кабарду дагестанцами. По описанию Ш. Б. Ногмова, автора начала XIX в., захваченное кабардинцами «большое огнестрельное оружие без замка, состоявшее из ствола и ложа», судя по описанию, – один из первоначальных образцов ручного огнестрельного оружия [16, с. 99]. Как известно, Ш. Б. Ногмов писал свой труд на основе адыгских преданий, и поэтому точная датировка вышеупомянутого сражения проблематична. Однако становится понятно, откуда первый образец ружья попал к кабардинцам – из Дагестана.

В источниках по истории Дагестана имеется сообщение о том, что в XV–XVI вв. кубачинцы, знаменитые на всем Кавказе оружейники, платили подать шамхалу Тарковскому по 30 ружей в год (по другой версии, 30 мер пороху) [2, с. 121]. Это свидетельствует о налаженном производстве огнестрельного оружия в XV в. в Дагестане и его использовании в военном деле.

По мнению известного археолога и кавказоведа Е. И. Крупнова, XV–XVI вв. являются временем распространения ручного огнестрельного оружия среди горцев Кавказа. Уже с XV в. все горцы Северного Кавказа начинают строить многоэтажные каменные боевые башни, с учетом использования при обороне не лука со стрелами, как раньше, а ружья. Исследованиями боевых башен в горных районах Северного Кавказа и Закавказья было установлено, что в стенах всех этажей этих башен, особенно второго, устроен ряд узких сквозных отверстий – бойниц для стрельбы только из ружья. Оказывается, даже в самых глухих районах Северного Кавказа в эпоху позднего средневековья огнестрельное оружие составляло уже нередко вооружение воина-горца [12, с. 11]. Этому же мнению придерживается археолог-кавказовед В. А. Кузнецов [13, с. 167].

По мнению Э. Г. Аствацатурян, огнестрельное оружие распространилось на Кавказе в XVI–XVII вв., причем долгое время сосуществовало с луком и стрелами [2, с. 10]. Этот автор опирается на данные письменных

источников и материалы музейных фондов Кавказа, Москвы и Санкт-Петербурга. Однако данные этих источников для истории кавказского оружия в XIV–XV вв. скудны и, на наш взгляд, не могут отразить полной картины по истории первых образцов огнестрельного оружия на Кавказе.

Известный этнограф Б. А. Калоев временем появления огнестрельного оружия в Осетии считает период XVI – начало XVII в. Он приводит следующие аргументы в подтверждение своего мнения: развитие торговых связей народов Северного Кавказа с Крымом, Турцией и Закавказьем и наличие у боевых башен народов Кавказа бойниц, приспособленных для стрельбы из ружей. «Начало сооружения таких башен в горах Осетии, – утверждает Б. А. Калоев, – относится к периоду не позже XVI–XVII вв.» [7, с. 95].

Однако, по нашему мнению, и в предыдущий период, т. е. в XIV–XV вв., народы Кавказа также имели торговые контакты с внешним миром. Так, Е. И. Крупнов на основе обширных археологических материалов богатых погребальных комплексов в селении Махческ говорит, что продукция из западноевропейских и восточных производственных центров поступала на Северный Кавказ, и в Осетию в частности, в XIV–XV вв. [10, с. 130]. Поэтому не исключено, что среди товаров, поступавших на северокавказский рынок, могло быть и огнестрельное оружие. И непонятно, почему Б. А. Калоев говорит именно о торговых связях XVI–XVII вв. Что касается бойниц горских боевых башен, приспособленных для ружейного боя, то, по мнению многих исследователей (Е. И. Крупнов [12, с. 11], Г. А. Кокиев [10, с. 65], В. А. Кузнецов [13, с. 167] и др.), начало их сооружения относится к XV в. Надо также заметить, что до того, как возводить боевые башни для ружейного боя, этот вид оружия должен был бытовать у их строителей определенный период до этого времени. Известно, что наибольшее распространение башенная культура получила в Осетии, Ингушетии, Чечне, горной Грузии (Сванетия, Хевсуретия, Тушетия) и Балкарии. Надо отметить, что на языках народов, проживающих на этих территориях,

название ружья «топп» совпадает (кроме Балкарии) [1, с. 304]. И наконец, если огнестрельное оружие к осетинам попадает в XVI в., то среди терминов, связанных с ним, должны были быть какие-то адыгские (с конца XV–XVI вв. выходы из осетинских ущелий занимали кабардинцы, и ружья должны были попадать к осетинам через их посредство). Между тем этого не наблюдается, все термины: ружье, пистолет, пуля, порох, газырь, пороховница, натруска, курок и т. д. – тюркского или собственно осетинского происхождения [1].

Обратимся к технической истории вопроса. Первые образцы ручного огнестрельного оружия имели форму примитивной трубки и отличались от артиллерийских орудий только размерами и весом. Как правило, повсеместно они назывались ручными пушками, заряжались с дульной стороны, затравочное отверстие находилось в верхней части казны ствола.

В процессе совершенствования ручное огнестрельное оружие становится более удобным в употреблении. Первоначально воспламенение заряда производилось с помощью раскаленной докрасна проволоки или горящего уголька. Это создавало трудности при стрельбе. Намного удобнее было приложить тлеющего фитиля, горевшего медленно и ровно. Он представлял собой шнур, пропитанный селитрой. Затравочное отверстие с верхней части казны ствола смещается на его правую сторону и оснащается специальной площадкой с незначительным углублением (полка), предназначенным для затравочного пороха. Для произведения выстрела необходимо было прикосновение тлеющего фитиля уже не к заряду, а к этому затравочному пороху на полке. Огонь при вспышке этого пороха через затравочное отверстие воспламенял заряд в стволе, что способствовало существенному уменьшению осечек.

И все же поднесение тлеющего фитиля к полке с затравочным порохом вручную было неудобно и к тому же представляло определенную опасность для стрелка. Поиски механического поднесения фитиля к полке с затравочным порохом привели к изобретению во второй половине XV в. фитильного замка

в виде рычажка с тлеющим фитилем. Далее он несколько раз был усовершенствован и оставался на вооружении до середины XVII в., и поэтому фитильное оружие имело широкое распространение.

Использование в конструкции огнестрельного оружия фитильного замка привело к существенному отличию ручного от артиллерийского оружия [6, с. 96, 97].

К сожалению, до нас не дошло ни одного экземпляра ручной пушки или раннего фитильного ружья, которое можно было бы связать с осетинами. Да и вряд ли они могли сохраниться, вследствие того что оружие по мере его старения и появления новых, более совершенных образцов выходило из употребления и, вероятно, переплавлялось для других целей.

При освещении рассматриваемой проблемы особую роль играют данные осетинского языка. По мнению лингвиста В. И. Абаева, осетинское название ружья «топп» происходит из тюркского «тор» со значением «любой круглый предмет», «мячик», «ядро», «пушка». Значение «ружье» отмечено, помимо осетинского, в следующих языках: груз. – *topi*, сван. – *twer*, чеч., инг. – *top*, дид. (по говорам) – *topi*, *tupi*, *tupe*. В ос. *topzy* «пушкарь» удержалось значение «пушка» [1, с. 304]. Значение слова «топп» – пушка в осетинском языке подтверждается и из других источников. Автор, скрывающийся под инициалами Н... Н..., отмечает, что «пушка называется у них (осетин. – А. Б.) технически *старым ружьем* (т. е. главным), а ядра пулями для старого ружья» [11, с. 111]. Как видно, «топп» имело два распространенных значения: «ружье» и «пушку». В осетинском языке оба значения представлены, причем со временем первое значение стало главенствующим.

Осетинский язык в этом неоригинален, аналогичное явление мы наблюдаем и в некоторых других языках. Практически у всех народов, у которых можно отследить процесс превращения ручной пушки в ружье, старинные названия артиллерийского орудия и первых образцов ручного огнестрельного оружия совпадают. В России в XV–XVII вв. как артиллерийское, так и ручное огнестрельное

оружие называлось «пищалями». Одна из категорий пушек в Европе называлась «кулеврина», под таким же названием известны первые образцы ручного огнестрельного оружия [8, с. 58].

В осетинских фольклорных текстах, опубликованных В. Ф. Миллером, упоминается большое ружье, стреляющее посредством приложения огня к затравочному отверстию. По-осетински оно называется «зингæфтауæн устур топп» – состоит из слов: *зинг* (диг.) – «огонь» и глаг., *æфтаун* – прибавлять, прикладывать [5, с. 137]. Судя по описанию, это один из первых образцов огнестрельного оружия.

Кроме того, известен еще один термин для обозначения ружья или отдельного его вида – «маджар», бытующий в языках осетин и чеченцев, ингушей, пшавов и аварцев [1, с. 65]. Чеченский исследователь оружия И. А-Р. Асхабов пишет, что ружья местного производства у чеченцев назывались «мажар топп» [3, с. 155]. В. И. Абаев этимологию этого слова возводит к названию крупного золотоордынского города Маджары, располагавшегося на реке Куме, расцвет его приходится на XIV в., а в XV–XVI вв. он приходит в упадок. По данным осетинского фольклора, первым в

горы Осетии с ружьем пришел маджарец Бадел (его ружье в фольклорных текстах называется маджарским). По мнению Ф. Х. Гутнова, хронологические границы прихода фольклорного героя колеблются с середины XIII до конца XIV в. [4, с. 56]. Вероятно, в этом золотоордынском городе имелись мастерские, в которых производилось огнестрельное оружие. Кстати, по сообщению действительного члена Российской Академии наук П.-С. Палласа, побывавшего на Северном Кавказе в 1793–1794 гг., «почва в окрестности Маджар богата селитрой» [17, с. 323], а селитра, как известно, – один из трех компонентов, необходимых для производства черного пороха, использовавшегося долгое время в военном деле.

Из-за крайней скудости данных письменных источников по истории Осетии XIV–XVI вв. и отсутствия соответствующих археологических материалов освещение вопроса об огнестрельном оружии ограничивается гипотезой. Однако наличие ранних боевых башен с бойницами для ружейного боя, а также данные фольклора и лингвистики с большой долей вероятности позволяют утверждать о знакомстве осетин с огнестрельным оружием в конце XIV–XV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в IV томах. М.; Л., 1958. Т. I. 656 с.; Л., 1978. Т. II. 448 с.; Л., 1979. Т. III. 360 с.; Л., 1989. Т. IV. 326 с.
2. Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. М.; Нальчик: Хоббикнига, 1995. 191 с.
3. Асхабов И. Чеченское оружие. М.: Клуб Кавказ, 2001. 238 с.
4. Гутнов Ф. Х. Бадел генеалогических преданий осетин // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1988.
5. Дигорские сказания. М., 1902. 145 с.
6. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие XI–XIX вв. М.: 1953. 165 с.
7. Калоев Б. А. Осетины. Орджоникидзе; М.: Наука, 1971. 357 с.
8. Карман У. История огнестрельного оружия. М.: Центрполиграф, 2006. 297 с.
9. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.
10. Кокиев Г. А. Склеповые сооружения Северной Осетии. Владикавказ, 1928. 74 с.
11. Крупнов Е. И. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным // Ученые записки КНИИ. Т. II. Нальчик: 1947.
12. Крупнов Е. И. Предисловие к XXIII тому // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1951. Т. XXIII.
13. Кузнецов В. А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
14. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 390 с.

15. Н... Н... Поездка на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М.: 1829. 189 с.
16. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. 166 с.
17. *Паллас П.-С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 гг. // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: сб. материалов / Издание подготовил В. М. Аталиков. Нальчик, 2006.

REFERENCES

1. *Abayev V. I.* Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka v IV tomakh. M.; L.: 1958. Т. I. 656 s.; L., 1978. Т. II. 448 s.; L., 1979. Т. III. 360 s.; L., 1989. Т. IV. 326 s.
2. *Astvatsaturyan E. G.* Oruzhiye narodov Kavkaza. M.; Nal'chik: Khobbikniga, 1995. 191 s.
3. *Askhabov I.* Chechenskoye oruzhiye. M.: Klub Kavkaz, 2001. 238 s.
4. *Gutnov F. Kh.* Badel genealogicheskikh predaniy osetin // Problemy istoricheskoy etnografii osetin. Ordzhonikidze, 1988.
5. Digorskiye skazaniya. M., 1902. 145 s.
6. *Denisova M. M., Portnov M. E., Denisov E. N.* Russkoye oruzhiye XI–XIX vv. M.: 1953. 165 s.
7. *Kaloyev B. A.* Osetiny. Ordzhonikidze; M.: Nauka, 1971. 357 s.
8. *Karman U.* Istoriya ognestrel'nogo oruzhiya. M.: Tsentrpoligraf, 2006. 297 s.
9. *Kirpichnikov A. N.* Voennoye delo na Rusi v XIII–XV vv. L.: Nauka, 1976. 104 s.
10. *Kokiyev G. A.* Sklepovye sooruzheniya Severnoy Osetii. Vladikavkaz, 1928. 74 s.
11. *Krupnov E. I.* K voprosu o kul'turnykh svyazyakh naseleniya Severnogo Kavkaza po arkheologicheskim dannym // Uchenye zapiski KNII. Т. II. Nal'chik: 1947.
12. *Krupnov E. I.* Predisloviye k XXIII tomu // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. M.; L., 1951. Т. XXIII.
13. *Kuznetsov V. A.* Aktual'nye voprosy istorii srednevekovogo zodchestva Severnogo Kavkaza // Severny Kavkaz v drevnosti i v sredniye veka. M.: Nauka, 1980.
14. *Kuznetsov V. A.* Ocherki istorii alan. Vladikavkaz: Ir, 1992. 390 s.
15. Н... Н... Поездка на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М.: 1829. 189 с.
16. *Nogmov Sh. B.* Istoriya adykhayskogo naroda. Nal'chik: El'brus, 1982. 166 с.
17. *Pallas P.-S.* Zаметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 гг. // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: сб. материалов / Издание подготовил В. М. Аталиков. Нальчик, 2006.